

Александр Владимирович
Коротаев

Иллюзия
не реальной
реальности

16+

Александр Коротаяев

Иллюзия не реальной реальности

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Коротаев А. В.

Иллюзия не реальной реальности / А. В. Коротаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03715-1

В рассказах автор акцентирует внимание читателя на событие происходящие в наше время с людьми. Как они влияют на простых людей. Показаны какие ошибки совершает человек, что наверняка заставит читателя задуматься, что с нами происходит. Какие выводы можно сделать из прочитанного, решать читателю.

ISBN 978-5-532-03715-1

© Коротаев А. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Чудо природы	5
Ночная рыбалка	10
Скотина слов не понимает	14
Червь сомнения	16
Отголосок девяностых	19
Дружба народов	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чудо природы

Солнце через большое окно ярко светило в спальне, освещая чуть заметную пыль на полированной мебели. Людмила проснулась, почувствовала на своём лице солнечные лучи. Не открывая глаз, она блаженно улыбнулась, рукой провела, потрогала возле себя. Никого не обнаружила. «Значит, встал», – подумала Люда. В ногах ласково замурлыкала кошка, поняв, что хозяйка проснулась. Людмила открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого солнечного света. Накинула на голое тело халат, прошмыгнула в ванную комнату.

Анатолий за кухонным столом пил ароматный кофе, разговаривал по телефону.

– Доброе утро, милый мой! – зашла Людмила в неглиже – весёлая белокурая изящная молодая женщина. Людмила поцеловала мужа.

– Ой, как вкусно кофе пахнет! Я тоже хочу. А с кем это мой зайчик разговаривал по телефону?

– С автомехаником – нужно, чтобы он оценил, во сколько обойдётся мне ремонт машины, любимая! Дай, солнышко, я тебе кофе сделаю. – Он осторожно за талию сместил Людмилу, примостившуюся было у него на коленях. Встал из-за стола.

– А у нас что, тачка сломалась?

– У нас будет ещё одна машина. Я её хочу подарить тебе, любовь моя, – с радостной торжественностью произнёс Анатолий, заваривая кофе.

– Зайчик у нас купил ещё одну машину? Толя! Погляди, какое солнце. Вот тебе и весна наступила долгожданная. Давай сегодня съездим на дачу, погуляем в весеннем лесу. Шашлыки пожарим. Надышимся лесным весенним воздухом, – предложила Людмила, глядя в окно. И вдруг с язвительной подозрительностью, с капризной ноткой в голосе спросила:

– Откуда у нас появились деньги на машину? Ты же буквально два дня назад говорил мне, что у нас нет денег. Даже на лисью шубку. Сейчас большие скидки на меховые шубы. Есть возможность существенно сэкономить. Тут – хлоп! С чего бы это? Мы покупаем подержанный хлам, в ремонт которого нужно ещё вкладывать денежку. Тебе не кажется это странным, милый?

– Нет, любовь моя, я не покупал машину. Эту машину мне отдала моя бывшая жена за ненадобностью. При разводе суд присудил машину ей. Вот она её угробила и вернула мне обратно. Им нет нужды заморачиваться с ремонтом и продажей машины. Её очередной муж купил ей новые колёса. А эту я хочу отремонтировать и подарить тебе. Хотел сделать сюрприз, только вот не получилось у меня. У тебя, любимая, скоро будет своя машина. Так что поездка сегодня на дачу откладывается, я договорился с механиком. Он посмотрит технику, объяснит, как её реанимировать. И денег у меня действительно пока нет.

– Как?! Ты встречаешься за моей спиной с бывшей женой?

Губы у Людмилы натянулись, сделались тоньше и мелко-мелко задрожали. На лице появилась обиженная гримаса. Глаза увлажнились. Она часто заморгала белёсыми ресничками. Радостное утро стало меркнуть.

– Да ты!.. Ты чудовище! После всего этого ты сегодня с раннего утра полез меня любить? Да ты, Толя, просто негодяй! Машину, подержанную, своей жены он мне хочет подарить. Да ты бы ещё мне трусики своей бывшей подарил. За кого ты меня принимаешь – за уличную девку? Носить обноски за кем-то, ишь чего удумал. Пускай даже это машина.

– Стоп, стоп, стоп! – мягко запротестовал Анатолий. Такой реакции от Людмилы он не ожидал. Казалось, что она будет счастливо восторгаться его подарку. Толя не думал, что Люда начнёт возмущаться.

– Любовь моя! Ты же ничего не знаешь, зачем накручиваешь, распалёшь себя. Во-первых, я не встречался со своей бывшей женой. Во-вторых, машину оформляли с её мужем по

доверенности. В-третьих, машину буду ремонтировать не сразу, а постепенно, как будут появляться денежки. Просто сегодня я хотел уточнить с механиком, во сколько мне это обойдётся. В-четвёртых, на следующей неделе я получу деньги за шабашку и купим тебе шубку из чернобурки. В-пятых, я сейчас позвоню и отложу встречу. Поедем жарить шашлык на природу. В-шестых, если не хочешь эту машину, переоформим мою на тебя. Хотя я думаю, та бы машина больше подходила тебе. Она более подходящая для женщин. Это всё же автомобиль, а не поношенное бельё. Большая разница. В-седьмых, я хочу тебя здесь и сейчас.

Анатолий весело обхватил Людмилу за бёдра, приподнял, прижал к себе, стал осыпать свою возлюбленную краткими частыми поцелуями. Гнев Людмилы перешёл в визг восторга. Они ласкали друг друга. Визг сменился на стон блаженства.

– Слушай, любимый мой! – насладившись разницей полов, отдышавшись, серьёзным тоном завела разговор Людмила. – Если у тебя нет денег на ремонт, то ты оцени машину и подай иск на бывшую жену в суд.

– В смысле, не понял, как это? – растерялся Анатолий. – Ты хоть понимаешь, что говоришь?

– Я понимаю, а вот если бы ты смотрел новости, тоже сразу же понял бы. Как-то в новостях некоторое время мусолили, что Володин предложил подать иск в суд на Украину за Крым.

– Так, кто такой Володин? При чём тут Украина и Крым? – Перебил её озадаченный Анатолий.

– Володин – это, ну, председатель думы нашей. Слушай, как ты знаешь, Крым раньше был русским, потом его отдали Украине. Сейчас он опять наш. Когда Крымом владели украинцы, то они его, как твоя жена – машину, угробили. Вот и Володин сказал, что надо на Украину подать в международный суд. Пускай за всё, что испортили украинцы, заплатят. Значит, так можно. Значит, тебе так же можно подать в суд на свою бывшую жену. Разница только в том, что те подают иск где-то в Европе, а ты подашь в наш городской суд. Теперь догоняешь? Ну, умная я у тебя? Ну, чего молчишь?

– Ты, девочка моя, не просто умная. Ты офигенно смышлёная! – задумчиво произнёс Анатолий. Вид у него был растерянный. Он никак не мог понять и переварить сказанное Людмилой. Что это – серьёзно или шутка?

– Что-то ты, милый, не в восторге от моего предложения. Ты думал, я у тебя глупая? Как же ты, зайчик, ошибался во мне.

– Это точно! Такое может прийти в голову только двум гениальным людям. Володину и тебе, – Анатолий крепко поцеловал свою прелесть. – Только прошу тебя, не смотри ты эти новости по телевизору. Как говорил профессор Преображенский, это вредно для пищеварения.

На шашлык Анатолий пригласил друга Александра с женой Аллой. Приятели возились с мангалом и шампурами, насаживая готовые куски мяса на них под большой раскидистой сосной. Женщины бродили по осевшему мокрому снегу между редко растущих деревьев. Местами потемневший снег ещё не успел осесть. Тронутый при ходьбе женщинами, он по принципу домино со звенящим шорохом оседал, далеко прокатываясь волной вокруг. Небо поражало своей бескрайней голубизной. Людмила тихо напевала песенку мышонка из мультфильма. Её тонкий детский голос резонировал с шумным гамом лесных птиц. Среди этого разноголосья отчётливо звучало звонкое пение синиц. Даже карканье ворон не портило этот многоголосый весенний хор лесных птичек. От влажных почек ветвей исходило томительное чувство ожидания тепла. Когда с неотвратимой силой сок земли по стволам деревьев начнёт питать каждую веточку, каждую почку, накачивая её живительной влагой. Накачивая так, что почка от избытка лопнет. Появятся нежные зелёные, липкие от густоты сока листочки. Сок всё будет поступать, заставляя листики расширяться, расти, перерабатывать солнечный свет в энергию. Выделять при этом целительный аромат и кислород. Земля рождает новую жизнь, преобразая прекрасный неповторимый вид себя. Разве это не чудо?

– Все же Людочка у меня молодец, вытащила на природу, – сказал Анатолий, вдыхая жадно полной грудью воздух. Он рассказал своему другу о предложении Люды подать иск в суд на бывшую жену. Друзья посмеялись над этим.

– Я, Толя, тебе говорил – не женись больше на красивых женщинах. Чего бы тебе не жениться на умной женщине?

– Мало ли чего ты мне говорил. Говорил, говорил, тоже мне – птица говорун! Да моя Людмила – чудо природы. Я люблю её. С умной женой от тоски умер бы, – прервал приятеля Анатолий.

– Люби своё чудо природы, я совсем не против. Заметь, упали слова председателя думы на нужную почву. Правда, реакция своеобразная. Наверное, такая неординарная реакция только у твоей Людмилы. Выходит, твоя блондинка не так уж глупа. Понял, Толя, в какой странной политической системе живём? Сказал государственный деятель заведомо лживую глупость, предназначенную только для одного человека. Это становится главным новостным событием. Живёт после вся страна, пережёвывая глупость, не замечая насущные проблемы. На этом сколько лет наша страна держится! Удивительное дело, на лжи держится! Прошлое – ложь и будущее – ложь. Коммуняки хоть светлое будущее обещали, а эти ничего не обещают. Мрак, тьма ждёт нас.

– Обидно то, что эта ложь востребована населением. Иначе они бы её не воспроизводили раз за разом, – Тяжело вздохнул Анатолий. Добавил:

– Сашок, давай не будем о грустных, обидных и досадных делах оккупантов. Пускай себе лизоблюды соревнуются в глупости. У них от безнаказанности, вседозволенности, халявы крышу рвёт. Обнаглели, что потеряли человеческое приличие и всякое достоинство.

– Ты прав! Не надо омрачать себе настроение. Только хочу заметить – чиновники не дураки, когда, казалось бы, говорят всякие глупости. Наподобие: государство вас не просило рожать. Кушайте макорошки, они всегда одинаково стоят. Голодать полезно. В войну голодали, а здоровья только прибавилось. Наступила такая ситуация в управлении страной, что нужно громко выражать свою лояльность к власти. По принципу: если ты молчишь, выходит, что-то худое против них замышляешь. Это означает – ты для них враг. Власть, она как думает? Мы тут беззаконие творим, вы вроде вместе с нами обогащаетесь. Вдруг случится буза, нас будут шельмовать, а вы, молчуны, сухими хотите выйти из воды. Как и сто лет назад, в революцию, отсидеться не получится. Вот они и соревнуются. Почему несут глупость? Да потому, что власти не нужны умные чиновники. Умные люди опасны для неё. Вот и стараются глупость выставить напоказ. Так что население тут, Толя, ни при чём. Людям ложь не нужна. Власть функционирует по воровским понятиям, а не по закону. Культивируют силу, наглость, хамство и глупость. Как бы говоря нам: смотрите, мы сумели организовать в ОПГ, а вы даже свой профсоюз, к примеру, не можете организовать. Слабаки! А слабых людей в уголовном мире презирают. Поэтому нас они даже за людей не считают.

– Так-то оно так. Но все же так хочется от этого всего абстрагироваться, – подвёл черту Анатолий, к чему-то грустно усмехнулся.

– Вот именно! Меня это не касается, авось пронесет. Каждый так думает. На это бандиты и рассчитывают. На разобщенность, на равнодушие, на страх перед силой рассчитывают. Как там, у Льва Николаевича Толстого? Прутики, вместе в веник сложенные, сломать невозможно, а каждый прутик в отдельности – очень даже легко и просто. Так что, Толя, девиз «разделяй и властвуй» никогда не устареет. Нас будут по одному убивать, мы молчаливо будем наблюдать и надеяться, может, меня пронесет. Нас же сто лет приучали, что власть всегда права. Нам уже врут откровенно, мы всё равно ей верим. Кому больше верить-то? Самостоятельно размышлять нас не учили. Учили верить слепо. Это молодёжь подросла, им уже лапши на уши не так-то просто навесить. Я ещё понимаю высокопоставленных чиновников. У них отступные пути проложены, свалят за границу. А этих казаков, ряженных ублюдков, которые трусливо из-

за спин полицейских избивают митингующих, понять никак не могу. Им некуда и не на что бежать из страны. Дети у них здесь будут жить, так же страдать от бесправия, как все. Они что, ненавидят собственных детей? Или настолько глупы, что не понимают, что происходит. Как они будут оправдываться перед своими детьми? Скажут, что таким образом деньги зарабатывали, вас растить. Любой из них, так может случиться, будет ни за что наказан. Мы же бесправны. Если опричнику не понравился, всё, срок обеспечен. Как звучит народная мудрость: «Был бы человек, статья найдётся». Где-то прочёл, что внучка Дантеса, узнав от него правду о дуэли, порвала все отношения с таким дедом. Так что потомки этих ублюдков также могут не одобрить такой заработок на жизнь. Ладно, прости! Понимаешь – накипело. Утомил я тебя. Может, ещё аппетит испортится.

– Не испортится. Мне кажется, что ничто не испортит мой зверский аппетит. Я и так слюной изошёлся. Запах-то какой, обалдеть! Шашлык получается на славу!

В это время Людмила рассказывала Алле, какой Толя непрактичный человек.

– Представляешь, Алла! Посылаю его в магазинчик – купить макаронных изделий. Он приходит и говорит: «Макарон нет». В его понятии макароны – это пустотелые длинные трубочки. Говорю – а ракушки, на худой конец – вермишель, купить не судьба? – Люда делает гримасу, широко раскрывает глаза, округляет рот, выпячивает губы трубочкой и передразнивает Анатолия. – Да! А я, Людочка, не понял тебя. Надо было так и сказать. Господи! Как тебе ещё надо говорить? Как он жил до меня со своей кикиморой? Непонятно.

Обе заразительно смеются над тем, как смешно получилось передразнить Анатолия у Люды.

– Ой, Люда! Мой, думаешь, что – лучше? – Вполголоса, аккуратно вытирая тыльной стороной пальчика слёзы от смеха, спешит поделиться своими наблюдениями Алла. – Все они одинаковые. Всё им надо разжевать и в рот положить.

Алла рассказывает Людмиле, с каким ей трудом удалось убедить мужа купить ещё одни сапожки. Он же не понимает, что купленные на осень сапоги не подходят к её новому пальто. Люда торопится похвастаться, как она добилась согласия купить именно сейчас шубку. Как она надоумила Толика, где взять деньги на ремонт машины. Женщин прервали, позвали к трапезе – шашлык готов. С большим аппетитом ели шашлык, запивая крымским молодым патриотическим вином. Громко смеялись.

– Ах, какая погодка! Чистота, свежесть, ни паутинки, ни комариков. Только густой, пронизанный ароматами леса воздух, – Не переставал восторгаться Александр. – Слышите гул? Мне кажется, это тетерева бубнят. Какая же ты умница, Люда, я тебе благодарен за то, что вытащила нас из городской суеты. Жизнь, она во сто крат лучше, чем мы думаем о ней.

– Это точно! Посмотрите, как прекрасен, чудесен мир вокруг нас! Сапок, я слышу, где-то под снегом вода журчит. Ручьи бегут! Весна идёт!

– Ура! – закричали в один голос опьянённые весенним воздухом приятели. Да так громко, что серые вороны испуганно, с карканьем поднялись с деревьев и поспешили улететь. Александру вспомнилось стихотворение Владимира Орлова «Веснушки». Он процитировал его:

Проходила весна по опушке
Сквозь весенние синие сны,
И тихонько светились веснушки
На лице у девчонки весны.
Шла девчонка в зелёной юбчонке,
Голубою росой звеня.
Завидуя рыжей девчонке,
Незаметно вздохнула земля.
И не зря в это вешнее утро

Там, где лёгкие ножки прошли,
Расцвели одуванчики, будто
Золотые веснушки земли.

Тут все стали наперебой весело декламировать стихи о весне. Весна – это вечная молодость земли! Говорят, Пушкин не любил весну. Ему больше осень нравилась. Почему? Непонятно. Лес, весна, природа – это классно!

Мужчины снисходительно, со скрытым превосходством ухаживали за своими жёнами. Галантно, с неподдельным вниманием подкладывали в тарелочки еду, подливали в фужеры вино. Женщины с загадочной улыбкой, с великой тайной на лице принимали их ухаживания. Дескать, пусть тешат себя мужики, что они умные, что от их решения зависят все вокруг. Мы-то знаем, кто правит миром. Недаром говорят в народе: «Муж – голова, жена – шея».

Солнце клонилось к горизонту, за лес. Друзья собирались домой. Складывали в машины вещи, мангал, раскладную мебель.

– Шурик! Почему так происходит, почему люди позволяют власти издеваться над всеми нами? – Неожиданно спросил Анатолий.

– Да потому, милый мой! – Опередив Александра, вмешалась в разговор Людмила. Она уже была достаточно навеселе. Ей хотелось ещё посидеть, поговорить. – Потому, что у большинства людей рабская психология. В каждом из нас живёт и раб, и господин.

– Как это? – Морщась, спросил Александр. Ему не хотелось выслушивать возбуждённую винными парами Людмилу.

– Это лучше всех показал Аркадий Райкин. Посмотрите, в интернете есть видео. Он наглядно показал лестницу социального лифта. Стоящие на одной ступени разговаривают на равных. Кто стоит на ступеньку ниже, к тому относимся с превосходством. Кто стоит выше, к тому – с подобострастием. Мы рождаемся и живём в бессознательном состоянии. Большинство из нас не осознаёт себя.

Анатолий с Александром переглянулись. Алла с любопытством подошла ближе к Людмиле.

– Как это? – Растерянно повторил вопрос Александр.

– Ты, Саша, поспрашивай знакомых. Для чего они поженились? Для чего они детей рожают? Для чего, в общем-то, живут? Могу поспорить, многие удивятся, скажут – что за глупый вопрос? Все так делают, так положено, продолжение рода и прочее. Лишь единицы задумаются, а правда – зачем? Как я погляжу, у вас рты открылись. Значит, так же не понимаете зачем. Значит, так же не осознаёте себя. Эх, вы! Глупые люди! Только умеете тоску нагонять разговорами о политике. Без активных действий ваша политика – пустая говорильня. Все давно всё понимают – что на шею России накинута петля, постепенно затягивают её. Сейчас по всей стране изо всех утюгов должна звучать одна-единственная песня – «Вставай, страна огромная». А вы? Только лясы между собой точите. Как там в Библии? «Имеющие уши да услышат». У одного мудрого человека прочла, только это писалось по другому поводу. Дураки хотя и слышат, но все равно что глухие. Про них можно сказать – где бы они ни были, их там нет, – поучительно сказала она. Повернулась, взяла Аллу под руку, пошагала к машине, всем видом показывая своё превосходство.

– Вот так-то, Сашок, и мы не лыком шиты, – хлопнул весело, с нескрываемой гордостью по плечу приятеля довольный Анатолий. Лицо его сделалось серьёзным, он продолжил: – Иногда она мне кажется полной дурой, а иногда – такой умной, что оторопь берёт. Вот пойми их попробуй.

– Факт! Чудо природы! Я о твоей избраннице думал намного хуже, – с восхищением, смотря в спины идущих к машине женщин, произнёс Александр. – Молоток!

Ночная рыбалка

С Алексеем Прокопьевичем Петрашовым мы не только породнились, но и крепко сдружились. Мой старший брат женился на однокласснице Надежде, дочери дяди Лёши. Он инвалид войны второй группы, умудрённый житейским опытом, надёжный, замечательный человек. Ни разу не слышал, чтобы он на кого-либо повышал голос. Работал Алексей Прокопьевич перед пенсией в совхозе водителем на бензовозе. Заправлял технику в поле. Увлекался с детства рыбалкой. К рыбной ловле относился по-хозяйски. Всё какое-то разнообразие к семейному столу. Не любитель похваляться, но рыбными гостинцами своих знакомых одаривал щедро.

Как-то зашёл я к нему в знойный полдень июльского дня. Дядя Лёша, развесив в ограде сети, промывал их водой из шланга. Его жена тётя Люба под навесом выбирала из сетей серебрястых карасей и пёстрых окушков. Рядом стояли два эмалированных таза, один таз доверху наполнен рыбой. Караси подпрыгивали и вылетали на дощатый пол. Тётя Люба ругалась на них.

– Ух ты! С богатым уловом тебя, дядя Лёша! – восхищённо воскликнул я.

– Да на черта такой улов. Замучилась выпутывать их, все руки исколола, – проворчала, сетуя, тётя Люба. Она показала свои ладони и добавила. – Ещё паразиты пытаются ускакать. Смотри, куда упрыгал.

Я посмотрел в указанную сторону. В метрах семи под скамейкой у стены, где стоял ручной сепаратор, бился карась. Сидевшая рядом кошка не обращала на него внимания. Наелась рыбы до отвала. Я присел помогать вытаскивать запутавшуюся в сетях рыбёшку. Дядя Алексей позвал меня порыбачить в ночь на одну из протоков реки Белой.

– Я, Саня, рыбное место надыбал. Может, съездим половим? Надо до сенокоса успеть.

– Да какой из меня рыбак? Я только могу ловить рыбу ложкой из котелка.

– Мне не нужен рыбак. Мне надо, чтобы ты на берегу был. Мотоцикл покараулил да чай вскипятит на костре, пока я сети ставлю и проверяю. Пока погода позволяет.

– На такое дело – с большой охотой. Я только и могу – украсть да покараулить, – с удовольствием согласился я на предложение дяди Лёши.

Подшло назначенное время. Закинули вещи в мотоколяску, сверху привязали вверх дном небольшую плоскодонную лодку. Как раз в аккурат легла между габаритным фонарём на крыле коляски и мотоциклом. Чих-пых! Тронулись. Алексей Прокопьевич – впереди за рулём, я – у него за спиной. Путь недалёкий. Со слов дяди Лёши, километров пятнадцать, пожалуй, будет, а может, меньше. Перед съездом с трассы на луговую дорогу остановились покурить. По краям дороги росли заросли кустов ивы, покрытые слоем пыли. На обочине – почерневший от старости, отполированный дождями кусок бревна. Смели пыль, сели на него. Курим, по сторонам смотрим, местность разглядываем.

– Смотри-ка, это никак тараканы? – Алексей Прокопьевич показал на кромку дороги у самой канавы, наполненной водой. Там, можно сказать, строем друг за другом по несколько штук в ряд двигались на марше обыкновенные рыжие тараканы.

– Ого! Точно – тараканы! – удивился я. – Откуда они здесь взялись?

– Чёрт их знает. До посёлка, со стороны которого они идут, километров тридцать будет. Это что же получается, они в нашу деревню идут? Ну и ну!

– Может, они в лесу живут? Может, это лесные тараканы?

– Тогда чего они по дороге кочуют, а не по лесу? Умные тараканы, ничего не скажешь.

Поехали, Саня, ещё надо успеть засветло сети расставить.

Свернули в луга. Вокруг буйствовала разноцветием сочная травушка, изгибаясь под собственной тяжестью.

– Эх, Саня! Такую траву косить – одно удовольствие! – пересиливая тарактеные двигателя, крикнул мне через плечо Алексей Прокопьевич. Настроение приподнятое. Ещё бы! Одурманивающий запах луга. Охлаждающий ветерок, разгулявшийся на просторе. Склонившиеся под тяжестью листвы ветки раскидистых берёз. Чистое, без единого облака, голубое небо. Солнышко радужно сверкает лучами на исходе дня. Красотища, волнующая грудь!

Прибыли на облюбованный дядей Лёшей берег. Выбрали место для стоянки. Распаковались. Алексей Прокопьевич спешно отплыл закидывать сети. Я занялся заготовкой дров на ночь. Срубил, заострил две рогульки для таганка. Развёл костёр, повесил закопчённый чайник с водой над огнём. Стал готовить продукты к уху. Почистил картофелины, чтобы не почернели, залил водой. Под звонкое пение многочисленных птиц угасала вечерняя зорька. В сумерках вернулся Алексей Прокопьевич, достал со дна лодки с десяток окушков.

– Не успел ещё второй конец сети в воду опустить, а они уже сидят. Сидите, думаю, на обратном пути заберу. Надо будет за ночь несколько раз сети проверять. Если эта мелочь сети перекрутит, то крупной рыбы не видать нам.

Мошка с заходом солнца унялась. Редкие комары не доставляли особых хлопот. Изредка так хлопнешь на себе изрядно усердствующих, что мельчайшие капельки крови разлетаются по лицу, оставляя бордовые пятна. Сварили уху, с аппетитом поужинали. Побаловались душистым ароматным чаем, пахнувшим дымом костра. Дома такой не попьёшь. Чай, сваренный на костре, сильно отличается от чая, вскипячённого на плите или в электрочайнике. Покурили, поговорили, я задремал.

– Спишь, Саня? Поехал я проверять сети, – дядя Лёша натянул резиновые сапоги, повесил через плечо аккумулятор шахтёрского фонаря. Сам фонарь прикрепил на лбу, включил, проверил – работает. Кинул шест в лодку, столкнул с песчаного берега и шустро запрыгнул в неё. За кустами по дороге, мелькая фарами, проехала легковая машина. Я поправил угли в костре, сноп искр взлетел вверх и медленно угасал. Так и мысли в голове возникают и исчезают. Откуда приходят и куда уходят? Лёг поблизости тлеющих углей на спину, закинув руки за голову. Ночь завораживала своей таинственностью. В небе ярко мерцали звёзды, навели на глубокие размышления. Кто мы, откуда, зачем и почему? Вечные вопросы человечества. Думать мешал нудный писк комара над ухом. Пересвистывались на все лады полуночные птички.

Внезапно тихо подошли к костру два мужика. Городские, судя по одежде. Я сел, машинально подвинул к себе топор.

– Здорово, рыбачите? Мы к нашим приехали, они тут где-то рыбачат. Не видел? – спросил один из них. Показалось, сочиняет на ходу. – Как улов?

– К утру узнаем, – не очень доброжелательно недовольно буркнул я в ответ. Мужики почувствовали неприязнь, поспешили распрощаться и исчезнуть в темноте. Через некоторое время послышался звук удаляющейся машины. Никаких сомнений у меня не осталось. Ясное дело, хотели поживиться. Иначе зачем нужно оставлять машину подальше и подкрадываться к костру? Могли бы напротив остановиться. Как таких людей назвать? Шакальё – и никак иначе. Поди, семейные, детей воспитывают. Не убей, не укради – внушают детям. Как же они им в глаза-то смотрят после этого? Не зря меня Алексей Прокопьевич взял с собой. Я взглянул на тёмную гладь воды, где-то немного подальше скользил, маячил пучок света от фонаря, доносился плеск. В ряби водной поверхности отражались, покачиваясь, звёзды. Подбросив сухих сучьев в костёр, решил поставить кипятиться воду в чайнике. Дядя Лёша приплывёт, а у меня чай свежий готов. Тревожное настроение в связи с приходом непрошенных гостей улетучилось. Низкое звёздное небо, умиротворяющий спокойный плеск воды, отблески пламени на кустах, запах дыма. Сама природа, тихая тёплая ночь, обнимает тебя, шепчется приятным шелестом листвы. С замиранием сердца, сдерживая дыхание, прислушиваешься к разным звукам тьмы. Потрескивание костра, надсадная трель ночных цикад. Мелькание сине-

голубых огоньков светлячков. В лесу, на противоположном высоком берегу проухал филин. В ответ протявкали гуран, лесной козёл. Сказочная романтика! В такие минуты поневоле задумаешься о смысле жизни. О наших пращурах. Наверное, так же сидели у костра, смотрели на звёзды. О чём они думали? Ощущаешь себя крохотной песчинкой в этом бесконечном мире. И, конечно, разыгрывается фантазия. Мечтать хорошо, всматриваясь в звёзды, отыскивая знакомые по учебнику астрономии созвездия. Сколько звёзд! Поражает воображение. Не может быть, чтобы где-то ещё на других планетах не было жизни.

Внимание привлекли всплески воды, раздавшиеся над протокой. Подошёл к кромке берега. В темноте ничего нельзя различить, сколько ни всматривайся. Не видно луча света фонаря Алексея Прокопьевича. Ясно одно – кто-то барахтается в воде. Может, лось решил в этом месте переплыть протоку? С какой стати в самом широком и глубоком месте? Лихорадочно заработал мозг. Что, если это дядя Лёша? Что-то случилось? Я побежал вдоль берега на шум воды. Хлёсткие ветки тальника затрудняли движение. В голове крутился только один вопрос – что произошло? Скоро поравнялся с тем местом, откуда доносились удары по воде. Ничего нельзя было разглядеть, но кто-то находился в воде. Это дядя Лёша, догадка подтвердилась. Забежал в воду, побрёл на шум. Дно под ногами разом исчезло. Окунулся с головой, вынырнул пробкой. Быстро поплыл, подгоняемый прохладной водой. В такой воде плыть легко.

– Дядя Лёша, что случилось? – крикнул я, подплывая к хлеставшему по воде руками Алексею Прокопьевичу. Брезентовая куртка вздулась у него за спиной.

– Тону, Саня, – преодолевая холодный озноб, на одном выдохе произнёс он.

– А чего молчком-то? – ничего умнее я в эту минуту не мог спросить. Я имел в виду – почему не крикнул, не позвал меня на помощь. Но получилось как получилось. – Держись одной рукой за плечо.

Плыл быстро, раздвигая с силой воду перед собой по сторонам. До берега – не больше пяти метров. Не заметил, когда дядя Лёша уже перестал держаться за меня. Он брёл за мной. Я плыл, пока колени не начали задевать дно. Вышли на берег, оглянулись.

– А лодка где? – Мокрая одежда прилипла к телу. Меня знобило от холода и от перенесённого потрясения.

– После пошли греться, сушиться. – Дрожа от холода, дядя Алексей стал пробираться сквозь густые заросли кустов к нашему биваку. Выжали одежду, развесили возле костра сушиться. Вода в чайнике выкипела, эмаль накалилась докрасна. Я снял его с огня, навалил дров в костёр. Хотел было вновь набрать в чайник воды.

– Ты погоди, Саня, пускай остынет, а то эмаль вся потрескается, – остановил меня дядя Алексей. – Чайник-то у нас как новый стал. Вся многолетняя копоть обгорела.

– Дядя Лёша, что произошло? Почему ты в воде оказался?

– Алёша я, Саня, – рот открытый. – Это у него любимая присказка. Когда сделает что-нибудь не так, таким образом обругает себя. – Подплыл к сети – поплавки утоплены. Потянул за бечеву – не идёт. Думаю – корягу подцепил. Сильней потянул, лодка над сетью встала. Сеть на поверхность поднялась. Осветил – ничего себе коряга, таймень килограммов на пятнадцать. Я за нижнюю бечеву взялся, ну, чтобы мешком, чтоб не ушёл. Лежит на сетке у самой поверхности, плавниками шевелит, жабры раздул. А я, Алёша, думаю – уйдёт же. Дай, думаю, я его за жабры схвачу, надёжней будет в руках-то у меня. Ну и схватил, а он как дал хвостом – и в воду. Я не ожидал, следом полетел. Мощный, чёрт, оказался! Лодка на дыбы, черпнула через край до бортов. Под воду пошла. Хорошо, что в сетке не запутался. Вот Алёша так Алёша.

– А чего к берегу не плыл?

– Так я плавать не умею! Плыл как мог, – смеётся.

– Не может быть! всю жизнь рыбачишь и плавать не умеешь? – поразился я, не веря ему.

– Да как-то не пришлось научиться.

– Как ты один рыбачишь, не боишься? Не было бы меня, утонул бы?

– Нет, не утонул бы. По дну вышел бы. Берег-то рядом, – со смехом рассуждает Алексей Прокопьевич.

Обогрелись, обсушились, на сон клонит. Стало светать. В тёплую ночь одежда высохла у костра быстро.

– Надо лодку искать, – озабоченно произнёс я, сопротивляясь наваливающейся дремоте.

– А чего её искать? Тут метров с триста ниже по течению – перекат. Течение хоть едва заметное, поди, уже её там к отмели принесло.

Мне стало понятно спокойствие Алексея Прокопьевича. Так и оказалось. Дядя Алексей снял сети, покидали их вместе с рыбой в коляску, дома выпутаем ельцов. Этих легко выбрать из сети. Не окунь с острыми плавниками.

Домой приехали через сельмаг. Тётя Люба нажарила большую сковороду карасей в сметане прошлого улова. Выпили, поели жареной рыбы. Замечательный этот жаренный на сметане до золотистой корочки карась! Хрустит корочка, что семечки на зубах. Мастерница тётя Люба жарить рыбу. Вкусно! Так и обожраться недолго. Выпитая водка, сытый желудок располагают к разговорам.

– Нужда заставила ловить рыбу, – рассказывает Алексей Прокопьевич. – Жили бедно, впроголодь, а рыба – всё же какое-то подспорье в еде. Рыбы в то время водилось много в речке. Хариус жирный, сытный. Тогда ещё ГЭС не было. Река текла по старому руслу. Тут вот мельница стояла. Пацаном лазил с остройгой по корягам, высматривая рыбу в воде под ними. Возле мельницы хариус косяками ходил. Наколешь с десятков, домой несёшь, содрогаясь от холодной сырости, вымокнешь же весь. Дома выпотрошишь на скорую руку, солью посыплешь и за милую душу уплетёшь с ребятами прямо сырую. Потом война. Призвали нас, безусых, бестолковых. Толпимся на станции, что бычки колхозные. Глаза пялим вокруг. Что мы видели? Распихали по вагонам. Затрамбовали, что селёдку в бочку. Отправили на Восток, – Алексей Прокопьевич задумался, сменил тему. Не хотел он рассказывать про войну.

– Дядя Лёша, удивляюсь твоим зубам – белые, ровные, красивые. У тебя улыбка, как у Гагарина. Как тебе удалось сохранить зубы в отличном состоянии? Я вот ноги сегодня остудил, зубы разболелись. Опять крошиться начнут, полетят моментально.

– Конечно, красивые, – сказал Алексей Прокопьевич и быстро нижнюю, верхнюю челюсти одну за другой выкинул изо рта. Показывает мне на протянутой ладони протезы:

– Вот они, мои зубы. Я свои зубы на войне разом оставил.

– Как это?

– В атаку пошли. Японец бьёт пулемётной очередью из дота. Мы с товарищем обошли с тыла. Я в дверной проём гранату бросил. Алёша, рот-то открытый. Стою, заглядываю, жду, что будет. Как даст! – дядя Алексей проводит ладонью от подбородка ко лбу, запрокидывая голову назад. – Всё, отвоевался Алексей Прокопьевич. Когда пенсию хлопотал, инвалидность, вторую группу, дали. Любе добавили, как жене инвалида войны, пенсию за уход. Кто же знал, мог бы раньше инвалидность получить.

Алексей Прокопьевич закурил, смолк. Заметно воспоминания растеребили его душу. Замолчал и я, ожидая продолжения истории. Только продолжения не последовало.

– А что, выпить-то у нас хрен да хрен? – встрепенулся он, встал, достал деньги. – Сто-най-ка, Саня, в магазин. Купи ещё одну бутылку водки.

Я, сам того не желая, потревожил его прошлое. Так узнал про короткий эпизод боя кавалера ордена солдатской Славы дяди Лёши. Светлая Алексею Прокопьевичу память!

Скотина слов не понимает

Вера с мужем Николаем шли по улице, обсуждая только что просмотренный в кинотеатре фильм. Сумерки заполняли город. Медленно разгорались уличные фонари. Вечерний воздух насыщался туманной сыростью. Высоко в сером небе тускло мерцали редкие звёзды. В окнах домов хаотично вспыхивал свет. Сверкая яркими красками, светились вывески и рекламные щиты. Редующий поток машин освещал асфальт и выхлопные газы движущихся впереди машин. На перекрёстках, не спеша, переливалась гамма светофоров. Контрастнее становились подсвеченные жёлтые стены зданий.

Вера в лёгком платье, пытаясь согреться, прижалась к мужу. Вошли в свой дворик. На детской площадке стоял в тусклом освещении рослый детина азиатской внешности и мочился в песочницу.

– Что вы делаете?! Как вам не стыдно?! Тут дети играют, малыши, – с негодованием возмутилась Вера.

– Закрой свой рот, женщина. Иди куда шла, – нагло, с хамской улыбкой осадил её мужик, повернувшись к Вере, демонстративно стряхивая последние капли. В его взгляде отражалось что-то звериное. Всем своим видом он демонстрировал силу и превосходство, пренебрежение к Вере и её спутнику.

– Я сейчас полицию вызову. Коля, ты что молчишь? – обратилась Вера к мужу. Худощавый Николай телосложением с подростка молча подошёл к нагло скалящемуся подонку и молниеносным ударом двинул кулаком в зубы. Тот от неожиданности взмахнул кверху руками и рухнул на землю. Лежал растерянный, распластавшись на спине, так и не успев застегнуть брюки. Вся спесь у хулигана улетучилась. Глаза выражали удивлённый испуг. На лице – жалобная, трусливая гримаса. Он превратился в затравленного зверька.

– Ты что, Коля! Зачем бить-то? Ты так можешь покалечить. Разве так можно? – отчуждённым голосом произнесла жена, присев возле очумелого мужика. Сочувственно поинтересовалась:

– С вами всё в порядке? Вы уж простите мужа, не сдержался.

– Господи! Да что с этим ублюдком станется? – сказал Николай. Убедившись, что трусливая наглость сломлена, муж повернулся и быстро зашагал к своему дому.

– Коля, ты что, не мог словами его осадить? Зачем же сразу бить-то? Ты своим поступком сравнялся с этим наглецом. Неужели не понимаешь? – скороговоркой выговаривала ему жена, семенившая следом. Подойдя к двери парадной, Николай повернулся к жене, глухо заговорил, чеканя каждое слово.

– Человечество веками, тысячелетиями вырабатывало законы, нравственные и моральные правила поведения, чтобы отличаться от животных. Чтобы не быть дикарями. Чтобы тихо и мирно сосуществовать между собой. Чтобы не быть... – Николай задумался и закончил тихим голосом, – он уже превратился в скотину, а скотина слов не понимает. Вот так-то, Верунчик. Я даже слишком всё хорошо понимаю. Они у себя всё обгадили, приехали к нам свои порядки устанавливать. Такие, кроме силы, ничего не уважают. Так можно весь мир обгадить, а потом-то что? Куда поедут гадить? Пойдём домой, сердобольная моя.

Николай улыбнулся, ласково взглянул на жену и обнял ее за талию. Свободной рукой открыл дверь, мягко подтолкнул супругу вперёд.

– А сами мы не гадим? – попыталась возразить Вера, слабо упираясь ножками. – Погляди, у нас все обочины дорог мусором завалены.

– В том-то и дело, что у нас своих засранцев хватает. Чему тут удивляться, мы сами – наполовину азиаты. А тут эти ещё усугубляют наш быт. Сами с собой не справляемся. К нашему берегу, кроме дерьма и мусора, ничего путного не пристаёт. Потому что берег такой. Мимо

крутого берега мусор проносит, а на наш – всё дерьмо выплёскивается. Конечно, к нам едут и достойные люди, только всё меньше и меньше. Непривлекательные становимся, я бы сказал, даже опасные для порядочных мигрантов. Всё, Верунчик, забыли об этом. Ещё не хватало продолжать портить себе настроение.

– И то верно! В кино жизнь намного прекрасней, – Вера улыбнулась, что-то вспомнив, взяла Николая под руку. И они бодро зашагали по лестничному маршу.

Червь сомнения

Люди верят в то, во что им хочется верить. Даже тогда, когда это выглядит нелицеприятно.

С тех пор как Женька стал инвалидом, он начал задумываться о дополнительном заработке. На его пенсию по инвалидности не проживёшь. Тем более с семьёй. Случай подсказал. Пришёл проводить Женю приятель Алексей, раньше вместе работали. Мимоходом в беседе спросил совета у приятеля. День рождения у жены скоро, хочет праздник ей устроить. Посоветовал Женя другу вдобавок оду написать в её честь.

– Я тебе что, Ломоносов или Державин – оды писать? Баба моя не царского рода. Не обучены-с мы ерундой маяться, – хохочет Алёшка.

– Может, она простолюдинка, только для тебя – царица. Королева твоя! Это надо понимать, балда! – шутливо укоряет Евгений друга. Женька за несколько минут сочинил поздравительное стихотворение и подарил Алексею. Тот остался доволен.

– Ты как Есенин! – похвалил он Женьку. – Если отмотать жизнь назад, ты бы стал поэтом?

– Я мечтал стать дирижёром. Мне нравилось махать палочкой, копируя увиденных по телику дирижёров, – Жека показал, как он это делал, – но увы! Исполниться мечте помешала одна загвоздка.

– Какая?

– Отсутствие напрочь музыкального слуха.

– Понятно. Выходит, стихи сочинять – это у тебя от безделья, – заключил Алексей.

Позже Алёша принёс проявленному стихоплёту гостинец – бутылку ликёра. Он знал, что Женька любит пить чай с ликёром. Рассказал, что он прочёл стихи на вечере. Произвёл фурор. Всем гостям понравилось. Некоторые товарищи Алексея просят Евгения написать им тоже стихи для любимых.

– Скажи спасибо. Отчасти благодаря мне ты становишься популярным, – шутит Лёшка.

Так Алексей подсказал другу, как зарабатывать деньги. Женя нашёл в интернете нужные сайты, где можно торговать своими сочинениями. Интеллектуальные вещи покупаются редко. В основном продаётся пошлость всякая. Моральный кризис в стране. Хамство и пошлость, поощряемая властью, сейчас в моде. Одна из главных примет нашего времени. Но, как говорил в древности своему сыну один римский деятель, «деньги не пахнут». Конечно, деньги копейные, да и те нигде не возьмёшь. Семье, где жена работает на полторы ставки, не упуская любой возможности подработать, всё какая-то финансовая помощь. И занялся Евгений бумагомарательством. Раньше так говорили про работников пера. Сейчас печатную машинку заменила клавиатура компьютера. Это проще и доступно каждому. Стал он писать и продавать в интернете всякого рода поздравительные стишки, копирайтерством заниматься, эротические рассказы строчить. В общем все, что можно продать. Дороже, но нечасто покупают стихи влиятельные люди, после выдают их за свои. Иногда Евгений слышит выстраданные им строки в песнях, кто-то выкладывает их в рунете, присвоив авторство. Поначалу был неприятный осадок на душе, потом, поразмыслив, свыкся. Так хоть его творчество слушают и читают. У самого не получилось бы опубликовать. Неважно, кто автор. Главное, что от него есть хоть какая-то польза для людей.

Однажды неожиданно приехала к ним издалека Юлия – подруга детства жены. Росли вместе с Ольгой с самого рождения по соседству. Юля – ещё и крёстная мама Женькиному с Ольгой сыну. Так и дружили семьями, проводя время вместе. Потом Женька с семьёй переехал в другой город. И осталось им только общаться по телефону да по скайпу. Тут внезапно, Юляшка проездом обозначила себя. Ольге с Женькой на радость приехала. Сколько лет не общались живую? Праздник встречи будоражил сознание. Радостно отмечали счастливую встречу.

– Ой, как я по вам соскучилась. Женька! Ты и раньше-то был кабаном, а сейчас вообще – кабанище, – звенел Юлин голос, радуя друзей. Время от времени она обнимала и целовала Женьку и Ольгу, показывая умиленную растроганность:

– Оля, ничего, что я его целую? Я так скучала, так скучала. Женька, дай я тебе на колени сяду.

– Да хоть зацелуй его, – смеялась Ольга. Она не знала, как угодить желанной гостье. Засиделись за полночь. Так много надо поведать, обсудить всё, вспомнить прожитое.

Утром на город обрушился ливень. Дождь хлестал в стёкла окон. Водяной пеленой, бурным потоком стекая по стеклу вниз. Гремел звонко оцинкованный козырёк карниза, навевая щемящую тоску. Женьке и Ольге нужно было съездить в соцзащиту. Юлька собиралась погулять, посмотреть город в этот день. Ненастье нарушило планы.

– Жень, а у тебя есть что-нибудь почитать из твоего? Ну, из того, чего нет в интернете. Пока вы по делам своим ездите, я бы почитала.

Юля следила за творчеством Жени. Он иногда выкладывал свои некоторые рассказы в свободное прочтение.

– Есть, а как же без этого. Читай, пожалуйста. В компьютере на рабочем столе папка «Мои документы», в ней найдёшь папку «Черновики». Читай, если будет интересно.

Евгений с Ольгой домой вернулись к обеду. Юля встретила их необычно задумчивая, не в настроении. Хозяйева отнесли это к дождливой погоде, сели обедать.

– Знаешь, Женя, я не такая, как ты там написал, – с чувством обиды вдруг сказала Юлька за столом. Ольга с Женькой напряглись. Что же омрачило счастье встречи?

– Не понял! Где я написал? – спросил, ничего не понимая, Женька.

– Ну там, в рассказе про меня.

– В каком рассказе? В смысле? Я про тебя никогда и нигде не писал, – удивлённо пытался понять Женя Юльку. Юля не слышала, она застопорилась на своих мыслях.

– Кто это тебе мог рассказать, Женя? Чтобы такое написать, это надо было со мною переписать, и не раз. А ведь этого не было, – продолжала спрашивать Юлька со слезами на глазах.

– Он в общем-то ни про кого и не пишет конкретно. Это всё его фантазии, – принялась убеждать Юлю Ольга.

– Да, Юляша, родная ты моя. У меня все персонажи вымышленные, и совпадения могут быть только случайные, – повторил не раз прочитанную фразу Евгений, – эту всю эротику я пишу по шаблону. Только меняю имена, место, возраст и время. За всю историю человечества нового ничего не придумано в сексуальных отношениях, – старался переубедить Юльку Женя. Ольга как могла помогала мужу. С трудом, но все же они её убедили, что в рассказе она – не прототип. Пришлось Женьке для убедительности удалить этот рассказ безвозвратно. Лишь бы только Юлька успокоилась.

В первое время Ольга с Женькой часто вспоминали про этот казусный случай. После не раз ещё смеялись.

– Женя, я так и не поняла, за что Юлька обиделась тогда. За то, что ты не спал с ней, но написал об этом? То ли у вас было это, и Юля обиделась, что ты растрезвонил весь с ней интим, а иначе как можно понять? – шутливо спрашивала жена и удивлённо добавляла: – Надо же, какое совпадение. Редчайший случай!

Потом стало забываться.

Прошло много месяцев. И вдруг! Однажды, уловив момент, когда у Жени было настроение, Ольга спросила:

– Слушай, Жень, а ты правда не спал с Юлькой?

– Ну ты-то чего? Ещё ты, Оля, туда же. Ну ладно Юлька – она немного странная. Ты-то чего? – возмутился Женя. – Вот действительно – червь сомнения точит.

– Ой, не говори. Сама не знаю, что это на меня нашло, – засмеялась Ольга, – но ты, Женя, больше так не пиши.

– Что люди хотят, за что платят, то и пишу. Просто читать не надо давать больше никому. Особенно впечатлительным женщинам, – буркнул себе под нос, немного обидевшись, Евгений.

Отголосок девяностых

Иногда невежественных и богатых людей дармовые деньги вводят в заблуждение. Таким людям кажется, что они – боги и могут всё. Только это не всегда бывает так. Наглость и хамство порождает насилие.

Витя решил заехать к сестре. Две недели как не виделись. Они жили в одном городе, только в разных районах. Не сказать, что далеко друг от друга, но встречались редко. Он набрал её номер и позвонил:

– Вика, привет! Как дела? Ты дома? Ставь чай, я сейчас заеду. Тортик куплю и заеду. Тебе ничего не надо купить?

Вика открыла дверь. Лицо у неё припухшее, глаза заплаканные. Она старалась улыбаться брату.

– Что с тобой? Почему плачешь? – взглянув на сестру, встревожился Виктор.

Вика жила одна, без мужа воспитывала маленького сына. Когда врачи после родов поставили Викиному младенцу ДЦП, муж исчез. Вика не сдалась, упорно лечила, занималась сыном. Её вера, упорство сделали своё дело. Ребёнок пошёл в развитие. Пока не обратишь пристальное внимание – и не скажешь, что больной. Виктор – холостой, недавно отслуживший в армии срочную службу, помогал старшей сестре во всём. Он считал её самой мужественной женщиной. Брал пример с неё. Всегда в трудную минуту Виктор задавал себе вопрос: «Как бы поступила Вика в этом случае?» Старался делать так же, как, ему казалось, поступила бы Вика. Родители у них умерли рано. Больше родственников в этом городе нет.

– А где Славик? – спросил Виктор, не обнаружив племянника в квартире.

– Вон, во дворе гуляет, – наливая чай, посмотрела в окно Вика.

– Рассказывай, сестра, всё по порядку. Так что у вас случилось? – отхлебнув глоток горячего чая, внимательно посмотрел на сестру Витя. Вика стала рассказывать.

Сын её, Славик, несмотря на инвалидность, учился в школе для нормальных детей. Учился на отлично, учительница всегда хвалила его. Славик учился в четвёртом классе, как вдруг отказался ходить в школу. Вика с большим трудом выяснила у него причину отказа. Оказывается, в этом году к ним в класс пришёл новый ученик. Он не просто обижает Славу, а издевается с двумя другими мальчишками над ним. Вика ходила в школу, разговаривала с учительницей и директором. Те обещали решить эту проблему. Шло время, издевательства над Славой не прекращались. Вика вновь пошла в школу. Там только развели руками и предложили ей перевести ребёнка в другую школу или самой поговорить с родителями хулигана, терроризировавшего класс. Вика взяла адрес, сегодня с утра сходила к этим родителям. Ее как только не обзвали, пригрозили расправой над ней, над всей семьёй и выставили вон. Сказали, чтобы она «своего уroda» забирала из школы. Ему не место рядом с их сыном. Рассказывая Виктору про свою беду, Вика не могла удержать слёзы обиды и всё время плакала.

– Ладно, сестра, не плачь. Разберёмся. Какой, говоришь, адрес-то у них? – стараясь удерживать нахлынувшую ярость, спокойно спросил Виктор.

– Ой! Что ты, Витя? Даже не думай и не ходи туда. Там такое хамство. А у тебя нервы и так расшатаны с этой войной, – поняв, что не следовало всё это рассказывать Вите, она стала отговаривать его. – У него дедушка – бывший бандит из девяностых. Я узнавала, соседи рассказывали. Лучше с ними не связываться. У них все кругом куплено. У них не квартира, а дворец целый. Два этажа под квартиру заняли.

– Ты это кому, сестра, говоришь? Одному из лучших десантников Псковской дивизии. Не для того я штурмовал, рискуя жизнью, Донецкий аэропорт, чтобы это наглое хамло чувствовало себя в моей стране хозяевами жизни. Не ради этого погиб мой лучший друг. Нет! Меня-то

они не купили. Не бойся, сестра, я им чуток спесь собью – и всех делов-то, – бодро, с улыбкой сказал сестре Виктор. Сославшись на занятость, на кучу дел, брат взял адрес и поспешил уйти.

Погожий день выходного шёл к концу. Поднявшийся ветерок трепетал одинокие листья на голых деревьях. Осень загостилась. Витя подъехал к точечному дому, припарковался, сунул в карман из бардачка травматический пистолет. Глубоко вздохнул, с шумом выдохнул, направился к парадной. Дверь была открыта, рядом на скамейке сидел дедок. Ёжась от холода, украдкой отпивал пиво, спрятанное в пакете.

– Здравствуйте, простите меня. Что вы – от бабушки маскируетесь? – с доброжелательной улыбкой спросил Виктор.

– Какой там от бабушки, от участкового. Он меня уже два раза за лето по пятьсот рублей штрафовал, – обрадованный, что есть кому излить душу, заговорил словоохотливый дедок.

– Скажи, четыреста седьмая квартира на каком этаже? – перебил его парень.

– На девятом. Тебе Усиковы нужны? Не удивляйся, я тут всех знаю. Тридцать лет в этом доме живу. Со дня постройки. Да вон они подъехали, – и дед указал на паркующийся Мерседес.

– Спасибо, отец! – поблагодарил Виктор деда и направился к указанной машине.

– Здравствуйте! Это вы родители Серёжи Усикова? – договорить ему не дала молодая женщина. Резким голосом, не вяжущимся с красивой внешностью, женщина громко заорала.

– Смотри, Паша, ещё один урод нашёлся. Вам что, козёл вонючий, непонятно было сказано? Забирай всех своих уродов и вали из города. Пока вас живьём не закопали, – дальше она обложила его таким матом, который для Виктора было дико услышать из уст красивой женщины. У Виктора в груди полыхнуло снова яростным огнём. Он больше не слышал слов этой женщины. Он видел её перекошенное от ненависти и злобы лицо. На одно мгновение оно ему показалось медузой Горгоной, рыжие волосы превратились в клубок шипящих змей. Вибрируя раздвоенными языками, они потянулись к его лицу. Витя выхватил пистолет, направил прямо в лицо ужасной Горгоне и выстрелил. Наступила такая тишина, что в ушах зазвенело. Женщина упала, потеряв сознание. Виктор повернулся к спутнику медузы, размышляя, как доходчиво объяснить отцу мальчика, что они неправы. У того от страха судорожно бегали глаза по орбитам. Как бы ища защиты со стороны, он бросился бежать. У Виктора сработал инстинкт охотника, он кинулся догонять. Если бы мужчина не побежал, то Виктор не погнался бы за ним. Настигнув отца хулиганистого мальчика, Витя пнул его сзади на бегу в поясницу. Всё по инструкции, как учили в армии отцы-командиры. От удара что-то хрустнуло в позвоночнике, мужчина упал лицом вниз, как-то весь потянулся судорожно в длину и застыл. Под ним на асфальте образовалась жёлтая лужица.

– Раньше надо было обоссываться, когда сынка воспитывал. Ты что думал, я с ребёнком воевать буду? Мразь! Ты породил, ты и отвечай, – сказал Виктор, глядя на извивающееся от боли тело. Подошёл к испуганному и растерянному деду:

– Дай, отец, пивка хлебнуть.

– Что ты, сынок! Теперь тебе нельзя. Усугубишь положение, я-то законы знаю. Алкогольное опьянение – это отягчающее обстоятельство в наказании. Не думай, мне пиво не жалко, – быстро, вполголоса зачастил напуганный произошедшим подвыпивший дедушка. Непонятно, то ли оправдывался, то ли заговорщицки советовал.

– Да плевал я теперь на их законы. Что это за законы, которыми как хотят, так и вертят! Сегодня я для них закон. Завтра кто-нибудь приспособит закон под себя, другой – наподобие меня – докажет справедливость закона. Не думай, нас ещё много в этой стране. Всех не купят, много нас, кто не торгует совестью. Так что не переживай отец.

Огонь в груди его погас. Витя чувствовал усталость. Ему казалось, что сейчас нет на свете человека, более безразличного ко всему, чем он. Послышался где-то вой сирены.

– Я так и думал, что они плохо кончат. Да! Натворил ты, сынок, делов! – жалостно протянул дед. Деду жалко парня, он сочувственно заперезживал о дальнейшей судьбе Виктора. Весь жизненный опыт старика подсказывал, что парень хороший.

– Я, пожалуй, пойду. Не хочу быть свидетелем.

– Это не я натворил, это они натворили, – Виктор показал головой на стонавшую женщину. – Вы правы. Вам нужно уйти.

Он принялся пить пиво, услужливо поданное дедом. Странно, почему дедушка пожалел Витю, а не пострадавших Усиковых? Видно, и его коробит самоуверенная наглость беспринципных людей.

Дружба народов

Витькин город – не Китай, но китайцев в нём развелось, как комаров на болоте в жаркое влажное лето. Даже друг появился у Виктора китаец.

По профессии Виктор – строитель. Руководит бригадой пенсионеров и таких же, как он – предпенсионного возраста. Солидный ответственный мужик, а все его в бригаде зовут почему-то Витей. К обязанностям бригадира он относится, как к наказанию неведомо за что.

Бригада работала на строительстве лесоперерабатывающего завода. Хозяин этого завода – единственный человек в округе, который приватизировал леспромхоз, будучи его директором, не распродал, не обанкротил предприятие, а взялся его развивать. Таких людей Виктор уважал. Первые сушилки для пиломатериала построили по итальянской технологии. Материал для постройки завезли из Италии. Видно, хозяину показалось дорогим строительство итальянских сушилок. Для следующего ряда сушилок приехали строить китайцы из своего материала.

– Надо же, наши вилки, ложки алюминиевые переплавили в листы – и нам же продают. До чего же умные ребята. Молодцы! – язвил Виктор. Некоторым его шутки с подковыркой не нравились.

– На пенсию пойду – она точно будет мизерная. Придётся по дачам лазить, вилки-ложки собирать. Я бы этих пенсионеров – в самолет и над тундрой пустил летать. Ещё бы нанял двух качков с дубинами, чтобы дубинкой по голове – и вниз, дубинкой по голове – и вниз, – с серьёзным видом говорил Виктор, глядя на нерадивых пенсионеров. У него в бригаде нерадивых с высшим образованием филологов, бывших деятелей профсоюзов и прочих вдруг оказавшихся ненужными профессий числилось достаточно. – Представляете, сколько песцов в заполярье разведётся. Прибыль от продажи меха будет колоссальная. Больше чем от нефти и газа. Польза государству огромная, а пока – одни убытки от пенсионеров. Чего смотрите? Я себя из этого списка не исключаю. Хорошо тем, кто состояние нажил к старости, а нам чего цепляться за старческое прозябание? Разве только из-за любопытства. Так я вас уверяю, ничего положительного в оставшейся жизни не произойдёт. Будем мучиться от возрастных болезней. Прикиньте сами, кому нужна такая участь? А так хоть польза государству будет.

Знакомство с китайцами началось со стычки по работе. Работал у них один-единственный автокран на всю строительную площадку, да и то не каждый раз. Из-за этого крана всегда стояла ругань. Кран всем нужен и всегда срочно. Выделяли кран по разнарядке. Только всё не распланируешь. Случались и непредвиденные ситуации. В тот день работал автокран у Виктора в бригаде, бетон подавал в бадейках наверх. Прибегают взволнованный китаец к бетонщикам. На русском языке не говорит, не понять, что ему надо. Сообразил Виктор, срочно кран нужен монтажникам. Раствор с бетоном не бросишь, застынет. Отказал. Поднялся на него со злостью китайчонка, кричит, по всей видимости, ругает. Другие китайцы набегали, окружили бригадира, кричат, лопочут по-своему, руками машут. Виктор им объясняет, что не может он сейчас бросить бетон, он ведь схватится. Две машины с бетоном стоят, ждут очереди на разгрузку.

– Идите к начальству, что вы ко мне привязались? – стал выходить из себя бригадир. Китайцы проходу не дают.

– Вот надо же, маоцзедунчики настырные какие. А ну, пошли отсюда, – и замахнулся Виктор лопатой. Только не испугались китайцы, ещё больше озлобились и плотнее подступают к бригадиру. Мужики работу побросали, к Виктору на помощь спешат.

– У, Янка беломоза, ходи соли надо?! – кричит китаец.

– Ты плохой капитана. Я хороший капитана, – кричит другой.

– Да я не капитана, я дарга, – сел на землю, раскинув ноги, и захохотал бригадир. Китайцы опешили, растерялись, посовещались между собой, дружно развернулись и ушли.

– Что им надо? Что ты ржёшь? Что означает дарга? – спрашивают Виктора мужики.

– Срочно кран им понадобился. Дарга – это по-монгольски «начальник». Они меня за американца считают. Угрожали солью в задницу стрельнуть, – смеётся бригадир, вытирая слёзы. – Ну, что встали? Всем работать. Выполнять работу. Кубатуру давай! Не задерживайте технику, не забывайте – нам с кубов платят. Китайцы кран ждут, а они тут причину для перекура нашли.

Гаркнул на своих рабочих Виктор и пошёл к китайцам. Захотелось посмотреть, в чём там дело.

У них действительно случилось угрожающее положение. Одна из металлоконструкций накренилась. Может в любой момент рухнуть на всё сооружение, разрушить постройку по принципу домино. Оценив ситуацию, Виктор стал звонить механику гаража. Подъехал трактор с манипулятором, подцепили металлоконструкцию, положили на землю. Угрозу аварии устранили. Китайцы улыбались, жали руку Виктору.

– Эх вы, суй хрен в чай, какой я вам американец, я – русский. Поняли? То-то же. А то заладили – янка да янка, – с напускной обидой выговаривал Виктор.

На другой день после смены китайский капитан пришёл в бытовку Викторовой бригады. Капитана, как выяснил Виктор, означало «командир». Мужики переодевались, собирались домой. Капитана увидел бригадира, подошёл и выставил перед ним две бутылки водки. Раздались возгласы.

– Вот! Это другое дело. А то солью по заднице. Учитесь, мужики! Человек только две недели в России, а русскую душу уже постиг, – захохотал Виктор. – Лёнька! Доставай стаканы и закусь. У нас тут дипломатический раунд намечается, будем крепить дружбу народов.

Так началась дружба с китайскими монтажниками.

Настала осень. Зачастили унылые промозглые дожди. Китайцы, окончив работу, уехали на родину. Для сдачи объекта остался капитан и два специалиста. Чтобы им сдать сушилки, нужно запустить строящуюся котельную. Запуск котельной откладывался, исправляли выявленные недостатки. Виктор заглянул в бытовку к китайцам. В помещении страшно сыро и холодно.

– Кошмар! Как вы тут живёте, в этом сарае? Могли бы переноску кинуть, свет хотя бы подвели. Жадное и бессовестное у нас начальство. Можно было в гостинице номер снять, – возмущался бытовыми условиями китайцев Виктор. – Тараканов-то сколько! Вы что, их с собой из Китая привезли?

Жили китайцы в бытовом вагончике на отшибе территории стройки. До ближайшего электрического столба – не меньше двухсот метров. Протянуть электричество к вагончику невозможно. По территории в хаотичном движении месила глину лесозаготовительная техника. Начальство кабель не даст, свистнут в первую же ночь вторсырьёвщики.

Придя домой с работы, Виктор застал соседку Наташу. Они с женой сплетничали на кухне.

– Наталья, привет! Пстой, не уходи. Дело есть, – остановил засобиравшуюся было уходить Наташу Виктор. – Галя, приглашай Наталью ужинать.

– Видел твою разлучницу с бывшим мужем на днях, – заговорил за столом Виктор, обращаясь к Наташе. У Натальи год назад муж ушёл из семьи.

– Метиска, попа – во! – Виктор сжал и показал кулак. – Меньше моего кулака. Сиськи – во! – он показал кукиш.

– Ноги – спички! – и он выставил мизинец. – Что он в ней нашёл? Понять не могу. Наташка, с тобой её не сравнить. Ты-то вон какая дородная. Всё при тебе. Дурак твой бывший – это точно! Можешь даже зря не расстраиваться.

– Да что ты, Витя! Я не расстраиваюсь. Мы с дочкой без него живём неплохо. Это сначала обидно было, а сейчас всё перегорело, – ответила Наташа.

– Ну и славно! Я что тебя спросить хотел, дачу свою не продали?

Получив утвердительный ответ, Виктор договорился с ней, чтобы она пустила пожить трёх китайцев. Удобно ездить на работу, рабочий автобус проезжал почти рядом с дачей по трассе. На даче имелось электричество, печка в доме, банька в углу участка. Всё же лучше, чем на стройплощадке в вагончике.

– Посмотри, Витя, что твои хуибины натворили, встречается дома Виктора с работы через некоторое время вместе с женой Галей соседка Наташа. И тычет ему свежие огурцы в ведёрке.

– Что такое? Огурцы как огурцы, ненадкусанные, свежие, аппетитные, зелёные, – с недоумением смотрит на огурцы Виктор.

– Вот именно что зелёные! На дворе осень, утренники какие холодные стоят. У всех огурцы давно пропали, пожухли от холодных ночей. Я приезжаю на дачу, у меня огурцы, ботва тёмно-зелёная. Что за чудеса? Смотрю – бочка из-под воды, боже мой! Вся в человеческом дерьме. Вонь на весь кооператив. Позор какой, люди в глаза смеются. Виталий, сосед наш по даче, говорит – они дерьмо настаивали и поливали огурцы. Сам будешь бочку отмывать, – тараторит Наташа.

– Наталья! Ты мне тут международный скандал не устраивай. В чём криминал? Не пойму что-то, не нравятся – не ешь, если такая брезгливая. Дай их мне, на работу отвезу, на закуску за милую душу мужики съедят. Ты в магазине покупаешь китайские овощи, не брезгуешь. Откуда нам знать, как их вырастили? Ничего с тобой не случилось. Вон какая холёная, статная. К тому же галльон тебе почистили, – хохочет Виктор.

– Покупала, теперь не буду покупать, – обескураженно высказала Наташа.

– Ай да китайцы! Ай да умники! – продолжает смеяться Виктор. Удивляется про себя на Наташку, что это она вдруг злится. По-видимому, бывают в голове у неё заскоки, не просто так муж подался на сторону. Смешно это всё Виктору.

Много прошло времени, забылось всё. Виктор перемещался по стройкам, по стране, где хотя бы платили достойно для специалиста его уровня. Дети выросли, жену схоронил. Что оставалось трудоголику по жизни делать... Так хотя бы страну, людей посмотрит. Пригласили на стройку в Санкт-Петербург. Условия заманчивые, город красивейший. Долго не думал, поехал. Не так работа, как героическая слава, знаменитая история города привлекла. Как церковь, намоленная страждущими, так Санкт-Петербург прославлен жажущими духовности, просвещения, культуры, прекрасного. Здесь особенно чувствуется связь времён. Дух знаменитых великих людей витает в воздухе. Чувство восторженности захватывает и не покидает ни на минутку.

Однажды при выходе из Александро-Невской лавры его окликнули по имени. Он поглядел в ту сторону, из группы китайских туристов отделилась и шла, улыбаясь, к нему женщина. Что-то знакомое угадывалось в её фигуре, в её улыбке. Она подошла, взяла Виктора за локоть, с любопытством посмотрела в глаза.

– Здравствуй, Витя! Ты что, не признал меня? – спросила она радостно. – Значит, долго жить буду.

– Наташка! – издал возглас Виктор. Растерянное выражение лица сменилось на радушную улыбку. Довольный собой, что узнал бывшую соседку, он радостно обнял её.

– И ты здесь! Какими судьбами? Как я рад тебя видеть! Ты что, живёшь в Питере? Ты что, экскурсовод?

– И я очень, очень рада видеть тебя, Витя. Нисколько не изменился, только седины добавилось. Я не экскурсовод, я – туристка из Китая, – она повернулась к толпящимся у киоска с сувенирами людям и громко позвала кого-то.

– Как – туристка из Китая? Час от часу не легче.

– Коля, иди сюда скорей, – опять настойчиво позвала она уже на русском языке и ответила, повернувшись к Виктору. – Да-да, Витя, я теперь – гражданка КНР! Сейчас ты всё поймёшь.

К ним быстрым шагом подходил коренастый добротный китаец. Он кивнул Виктору и вопросительно поглядел на Наташу.

– Вы что, не узнаете друг друга? – торжественным голосом спросила она.

Виктор наморщил лоб, разглядывая китайца. Китаец внимательно поглядел на Виктора.

– Капитана! – воскликнул китаец, радостно протянул обе руки ничего не понимающему Виктору. Виктор растерянно подал свою руку. Китаец по имени Коля энергично затряс её в дружеском рукопожатии.

– Ты что, не узнаёшь его? Ты же сам их поселил у меня на даче, – словно боясь, что Виктор не узнает китайца, Наташа взволнованно поспешила напомнить Виктору.

– Точно! Вспомнил, они сушилки на лесозаводе ставили. Ну до чего же мир тесен! На Земле семь миллиардов жителей, а вот надо же – встретились, – удивляется Виктор.

– Я, Витя, Гао Вейю жена, – спешит рассказать Наташа, – мне удобно называть его русским именем. Он также зовёт меня русским именем. Да они всех русских девушек Наташами зовут. Он тогда на следующую весну опять приехал строить и поселился у меня.

– Ты его жена? – поражается Виктор, припоминая брезгливость Натальи. – А дочка твоя где?

– Дочка моя уже взрослая, замуж вышла. Не захотела ехать в Китай, с бабушкой осталась. Ты не представляешь, как я в первые годы плакала, горевала. Потом привыкла. Что мы стоим, пойдёмте в кафе посидим, поговорим. Ты, надеюсь, Витя, не торопишься?

– Пойдём, пойдём! – схватил и потянул его капитана, китаец по имени Коля, а с другой стороны – Наташа. Растерянного повели в кафе.

Просидели долго, вспоминали, ностальгировали. Виктор узнал, что Наташа теперь не Беликова, а Гао Мей. Что китаец – не капитана, а уважаемый человек. Коммерсант, у него свой бизнес на родине. Что каждый год они ездят по странам мира. Сидя в вагоне метрополитена, Виктор рассматривал иероглифы на визитной карточке Гао Вей. Думал, как время летит, как быстро меняется мир. Давно ли китайцы приезжали к нам на заработки, а сейчас вот позвали его работать в Китай. Вей строит на границе с Забайкальем соеперерабатывающий завод. Обещал хорошо платить, в долларах. Чудно как-то Виктору и досадно за свою страну. Радовался за Наталью, китайскую Мей. Как объяснила Наташа, в переводе обозначает «слива». Ну точно – слива! Вновь и вновь удивлялся выкрутасам судьбы Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.